

УДК 179

Эстетическая компенсация этоса в современной культуре как социально-педагогическая проблема

И.В. Дотоль

Братский государственный университет, ул. Макаренко 40, Братск, Россия
idotol@mail.ru

Статья поступила 28.03.2016, принята 29.04.2016

Автор статьи определяет проявление моральных ценностей в историческом развитии как метафизическую потребность людей в осознании смысла своего существования и актуализирует особенности их функционирования в современной культуре. Фактическое неравенство, конституирование субъективности порождают разрушение морали с ее центральным принципом справедливости и компенсацию утраты эстетическими формами восприятия, а в этически обесцененном мире преобладающей становится эстетическая ценность.

Ключевые слова: этос; должное; автономный человек; самоутверждение; психическое; эстетические ценности.

Aesthetic compensation of ethos in modern culture as a social and pedagogical problem

I.V. Dotol

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia
idotol@mail.ru

Received 28.03.2016, accepted 29.04.2016

The article defines manifestation of moral values in their historical development as a metaphysical human need in realizing the reason for existence and actualizes their functional peculiarities in the modern world. Factual inequality and institutionalization of subjectivity cause both the destruction of morality together with its central principle of justice and the compensation of its loss by aesthetic forms of perception. Aesthetic value becomes prevail in the aesthetically impaired world.

Key words: ethos; due; autonomous person; self-esteem; psychical; aesthetic values.

Обоснование принципов морали выходит на проблемы цели, смысла жизни, реализацию индивидуального или коллективного осуществления счастья. Перспективы любого смысла задаются человеком. Разница лишь в вопросах и ответах на потребность в смысле, на потребность человека быть понятым. Тем самым, смысл никогда не дан в онтологическом аспекте, но всегда обусловлен метафизической потребностью людей в качестве требования того основания, которое позволяет осознать время и цели человече-

ской жизни. Частые перемены смысла, этоса, веры, религии и идеологии в последние столетия, происходящие у многих в течение жизни, указывают не столько на состоятельность одного смысла, сколько на разрушение и бегство человека от самого себя.

Смысл морали проявляется прежде всего в регуляции совместной жизни людей. Основные моральные законы (не убивать, не красть, не лгать, не вредить, не насильничать и др.) по преимуществу не имеют позитивной, мотивирующей деятельность силы,

но при этом они сдерживают и подавляют влечения, инстинкты, страсти, наклонности, т. е. выражают отрицание действий в определенных ситуациях. Таким образом, действенными основными моральными законами становятся лишь в тех случаях, когда они активированы нашей совестью и через них проявляется характерное соответствующему человеку пространство бытия.

В связи с этим возникает вопрос о возможности подчинить индивидуальную человеческую волю (или произвол) должному; такому моральному закону, который внеположен всякой индивидуальной субъективности. Почему мы, люди, хотим, чтобы имелись законы и нормы, предписывающие, как мы должны поступать? Прежде всего, это связано с потребностью в таком сосуществовании, при котором мы в определенных ситуациях можем взаимно ожидать определенных поступков, поведения со стороны других людей. Решающим здесь является вопрос о том, кто регулирует человеческое общение, чья конкретная воля выражена в правилах и нормах долженствования и получает определенное воплощение. Историческое функционирование морали показывает, что решающим здесь является выявление содержания законов и норм, регулирующих совместную жизнь, а эти нормы морали были различными. Одним они давали преимущество, а других ущемляли, и преимущество имели сильнейшие, могущественные, избранные, опытные. И в этих законах они выражали свою волю, укрепляли себя, то есть говорить о согласии достаточно сложно, скорее о выгоде. В зависимости от того, о каком должном идет речь, ожидаемые способы поведения людей различаются или совпадают. И здесь можно говорить не только о реализации потребности как основания вообще для человека способности устанавливать законы, нормы поведения, должное и следовать им, но и способности долженствования, то есть способности устанавливать нормы долженствования и соблюдать их.

Изначально, в широком смысле, этос был ответом как на всеобщий метафизический вопрос «куда?», так и на вопрос «как?» в плане нашего отношения к миру. На протяжении тысячелетий человек истолковывался

со стороны этоса: он был долженствующим, будучи вплетенным в плотную сеть ожиданий, связанных с его существованием. Только там, где имеются высшие, независимые от человека божественные воли или телеологические природные и исторические закономерности, человек связывает себя долгом. Развенчание этих высших сил стало предпосылкой того, что всеобщее долженствование раздробилось на индивидуальные хотения, что обусловило появление автономного человека, т. е. человек ликвидировал этос как божественное определение и обусловливание извне. Освобождение от этоса, экзистенциальной вины, долженствования привело к преобладанию у человека вопросов, адресованных самому себе как существованию в мире.

Морально-этическая дискуссия XVIII–XX вв. в рамках философии является следствием утраты метафизическо-этической легитимирующей инстанции. Эта дискуссия порождает следующие пути решения проблемы:

- 1) исследование особенностей морально-этической деятельности;
- 2) попытка создать новые основания как компенсацию утрат метафизически-легитимирующей инстанции;
- 3) указать метод, при помощи которого можно в условиях автономии сегодняшнего человека в коммуникативном обществе прийти к общесогласованным и для всех обязательным правилам, нормам и законам.

Если исходить из того, что должное невозможно обосновать в бытии (онтологически), то, очевидно, должное надлежит обосновать в человеческом желании? Но человеческая воля, желание часто означают произвол. В этом случае остается полагаться на разум, который может обосновать должное, предшествующее всякому субъективному волеизъявлению. Проблема состоит в том, чтобы связать радикальную автономию современного человека и самоутверждение (желание) с необходимой для совместной жизни универсализацией (должным). На основании этого должного люди предрасположены аргументированно вступать в рациональный дискурс ради принимаемого всеми согласия. Такой вариант функционирования человеческого сообщества скорее

является философски примиряющим идеалом, чем реальностью.

Простая эмпирия представляет собой нечто совершенно иное. Она скорее характеризуется некоммуникативностью, иерархичностью структур власти и воли, принуждением, дифференциацией, стратегически спланированными действиями одних и уступчивым служением других. Конституирование субъективности, рост шансов для согласия в современных условиях — скорее необходимость, достигнутая различными способами и ценой. Фактическое неравенство, а с ним и разрушение морали с ее центральным принципом справедливости занимает определяющую позицию.

С появлением у человека автономии все стало допустимым, осуществимым, изменяемым. Это вызвало рационализацию, выдвижение все новых и новых целей, потребностей. Не проецируемый на другой мир, человек делает свое собственное Я целью своего действия. Условием такой инверсии также становится вынужденное возбуждение психического как источника новых ценностей. С этой позиции мир имеет ценность лишь в функции его эстетической способности провоцировать, прельщать, побуждать, увлекать, захватывать. Таким образом, автономный человек, направляющий силы на свое Я, с одной стороны истолковывает себя с точки зрения удовлетворения своих потребностей (рационально), а с другой — с позиции желания (интересы восприятия).

Чего же хочет и какие цели и задачи ставит автономный человек? Необходимой целью человеческой деятельности стало устранение нужды и страданий. Современная технологическая культура как результат рациональных усилий и действий освободила человека от чрезмерных физических усилий, природа становится приспособленной к человеческим потребностям, что в определенной мере делает ненужной борьбу человека за выживание. Одновременно возникает проблема заполнения избыточного времени и предоставления человеку тех средств, которые должны отнимать у него ощущение ненужности. И здесь целью своих действий человек делает психическое. Ценности явлений становятся существеннее этических и потребительских ценно-

стей. Согласно чувственно-эстетическому и соответствующему действенно-эстетическому образу мыслей легитимно все, что чарует, стимулирует никому и ничем не обязанного человека. Таким образом, этически обесцененный мир обладает лишь эстетической ценностью.

Не руководимый более представлениями и идеями эстетический человек становится предрасположен отдаваться зрительным и слуховым впечатлениям, жизненно необходимое значение приобретает видимость как психическая потребительная ценность. Это привело в области дизайна бытовых вещей к постмодернистской формуле: функция следует за формой — вплоть до дисфункции. С этой точки зрения, мир (люди и вещи) имеет ценность лишь в функции его эстетической способности прельщать, очаровывать, воздействовать. Раздражители имеют кратковременное воздействие, поэтому эстетический мир видений должен перманентно обновляться. Появляется такое отношение к людям, вещам, которое становится социальной добродетелью в потребительско-эстетическом обществе, настроенном на перманентное экспансивное производство и потребление (экономика и реклама способствуют этому). Критерий эстетического, перемещенный в психику, позволяет считать и объявлять эстетическим все, что приводит в возбуждение.

Избавленное от эстетически-идеологического отношения к миру, автономное Я становится способным свободно воспринимать мир уже не как это должно, но как ему угодно. Оно стало открыто восприятию, и то, что ему годится, диктуется исключительно интересом восприятия. С предметно-эстетической точки зрения эстетическая прихотливость простирается от пустых формально-болтливых картин, товарно-эстетически упакованного мира наших потребительных ценностей до их рекламы, выдающей себя за искусство. Появляется даже понятие «военной эстетики», когда освещаемая телевещанием война, террористические акты проявляются как метаморфоза этически демонического в эстетически благоприятное. В мире, который больше не требует человека, автономный человек бросает вызов самому себе: различного рода

экстримы, реалити-шоу, туризм с авантюрами и борьбой за выживание относятся к тем эстетически-игровым вызовам себе, в которых развлечение, «эйфория», адреналин тем интенсивнее, чем в большей мере ставкой игры является собственная жизнь. Тело человека, редуцированное к природе, также эстетически используется, инструментализируется, эксплуатируется и сенсibiliзируется в качестве источника удовольствий, переживаний во всех чувственно-физических измерениях: гастрономическом, сексуальном, упаковывающем и др. Таким образом, парадигма ситуации, в которой оказывается метафизически нуждающийся человек, не затребованный, не пользующийся спросом в современном обществе, определяется тем, что человек вынужден ставить себе цели, которые эстетически инструментализируют мир ради психической аффектации. Где жизнь стала легкой, ее нужно время от времени утяжелять ради обострения чувства жизни.

В той мере, в какой окружающий мир, вещи и люди становятся ценностью лишь в качестве функции, способности очаровывать, стимулировать, всякий отдельный человек имеет ценность для другого только в этом отношении. Нужно самому привлекать к себе взгляд другого, поражать, бросаться в глаза, то есть быть воспринимаемым. Восприимчивость другими становится благодарным подтверждением того, что твое существование не напрасно. Лишь поскольку меня воспринимают, я существую. Существенным оказывается не то, что сказано, а как сказано то, что сказано, то есть форма преобладает над истиной. Таким образом, важно эстетически воспринимаемое самоуверие в глазах других; тот, кто нарушает эстетические границы приемлемости, оказывается не у дел.

Поскольку в современном плюралистическом обществе человек не подвергается идеологическому принуждению, а лишь поддается соблазнам восприятия, то позволяет увлечь себя тем религиям, сектам,

идеологиям, которые более всего соответствуют его интеллекту, воспитанию, нуждам, желанию. Эти «продавцы смысла», успешно оперируя риторическими ухищрениями, эксплуатируют метафизический дефицит сегодняшнего человека для своего собственного обогащения. Шоу-бизнесмены, звезды футбола, кино и певцы являются сегодня идолами и иконами нашего эстетически диссипативного общества. И тогда уже не автономный человек инструментализирует свой мир, а он сам используется, управляется, очаровывается своим соблазнителем.

Таким образом, автономия современного человека и отказ от должного в пользу человеческих желаний очистили традиционное общество от коллективно исповедуемых ценностей и превратили его в современное целевое общество, общая цель которого утверждена путем согласительных процедур и есть не что иное, как мирное сосуществование автономных членов этого общества. Однако с точки зрения автономного Я такое целевое общество является не самоцелью, а лишь средством для жизни, общество, которое оставляет на его усмотрение решать, стоит ли ему отказываться от своей автономии в пользу какого-нибудь этоса. Автономия современного человека способствует развитию минимальной этики, которая представляет собой минимально равные ожидания по отношению ко всем членам современного общества, и является предпосылкой их различия. Целерациональность обуславливает и то, что современное общество для своего функционирования все больше нуждается в частичных, фрагментарных и мобильных людях.

Литература

1. Дотоль И.В. Автономный человек в этико-эстетическом опыте современности // Альманах кафедры эстетики и философии культуры СПбГУ. СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2007. № 2. С. 56-58.